

Валентина ТОМИЛІНА

Валентина Йосипівна Томиліна народилася 1953 року на Уралі. В дитинстві переїхала до Чернігова, де навчалася в школі, працювала. Була електромонтером телефонної мережі, секретарем-друкаркою, культорганізатором, бібліотекарем, викладала в школі.

Коли звівся красень-Славутич, Валентина перебралася туди, керувала літературною студією Палацу культури "Енергія".

МОЙ СЛАВНЫЙ ГОРОД

Жемчужиной в оправе леса
В июньский день сияешь ты.
Звучит торжественная месса
В честь города моей мечты.

Судьба моя! Мой славный город!
Стал милой родиной моей.
Будь вечно юн, будь вечно молод!
Вселяй добро в сердца людей!

1

Последней электрички неуют
и зябкость ночи за окном печальным,
где фонари полночные снуют,
а станция, как снимок моментальный:
озябший пес свернулся калачом,
верхушки елей, словно крыши пагод..

Блаженство дня вздыхает за плечом
и ночь грядет как искупленье тягот.

2

Живем суетно, мыслим на бегу.
Грешим с умом, а каемся — невольню

И я остановиться не могу,
но падаю —

и ушибаюсь больно.

То обломать боимся каблуки,
то боязно смешными показаться...
В чужих дворах мальчишки так легки,
что страшно нам к их миру прикасаться.
Как-будто родом мы из игр других:
не столь стремительных, не столь азартных,
не рвали яблоки в садах чужих,
не изучали мир по старым картам...
В их книжках больше непонятных тайн —
в их возрасте мы столького не знали.
Стучат настойчиво в асфальтовый тамтам
подошвы их изношенных сандалий.
И пузыри застиранных рубаш,
царапин свежая татуировка —
им все легко...

А нам уже неловко.
Сидим на лавочках в чужих дворах.

...Неловко к незнакомым подойти,
в чужую дверь неловко постучаться:
то обломать боимся каблуки,
то боязно смешными показаться.

Знакомый парафраз

на тему осени...

По крыше дождь

отплясывает лихо.

И вам ответят —

у кого ни спросите —

Что на душе

и пасмурно и тихо.

Обрывки туч

плывут в небесной просини

Уносят день

с заплаканным лицом...

Знакомый парафраз

на тему осени

Уже напет к полуночи

Творцом.

Сквозь буйство декораций сентября
я вижу зябкий неуют предзимья...
Пора отречься от календаря,
сменить давно приевшееся имя,
пора “вчера” на “завтра” разменять
(такой монеты — даст Бог — на день хват
и сжечь свою заветную тетрадь,
и чистый лист на пустяки не тратить,
свои дела оставить на потом,
хоть что-то различать в небесной выси...

...Я стала независима лишь в том,
что выбираю — от кого зависеть.

Ни мой наив, ни простота
Не посулили мне удачу.
Но горькой складкою у рта
Своей беды не обозначу.
Небрежно распахну пальто,
Заметив вдруг, что солнце светит.
...Авось беды моей никто
И в самом деле не заметит.

От рабства суетных привычек
избавь меня, мой робкий стих.
Жить без подтекстов и кавычек
Хотя бы час!

Хотя бы миг!

Молюсь перу, листу бумаги,
словам, построенным, как рать.
Не дерзости прошу — отваги
любить
и вслух “люблю” сказать.

Страшась разлуки,
из твоих ладоней
пью нелюбви
горчащее вино...
Оно мутит мой разум
постепенно,
Я ночи ото дня
не отличаю,
но среди тысячи шагов
сумею
твои шаги
по звуку распознать.
...Еще глоток
дурманящего зелья —
мне зла уже
не отличить от блага,
но среди многих
тысяч голосов
твой тихий голос
без труда узнаю —
и песня обернется
плачем.
Пью залпом.
И по капле...
Как придется...
Не замечая
горечи напитка.
Как упоительно
не думать о расплате!...
И лишь с последней
каплей понимаю:
вино отравлено...

Твержу: “Прощай!”

А надо бы — “прости!”

Твержу: “Люблю!”

А надо бы — “жалую”.

Я эту жалость

так в себе лелею,

как будто может

нас она спасти.

Твержу: “Иди!”

А надо бы — “постой!”

Твержу: “Легко!”

А надо бы — “неловко”

Почти кричу,

во гулкой пустотой

мне отвечает одиночество

с издевкой.

Сжимается пространство
до размеров
твоих объятий...
Тысячи веков
толпятся
в тесном круге циферблата...
Плач детский
за стеною,
как расплата
за обретенный вдруг
покой и кров.

Тобой защищена со всех сторон,
но, лихо прорывая оборону,
мальчишки спор ведут,
как за корону —
мое спокойствие
опять несет урон.

Глупцы!

Их мир в тетрадах разлинован,
но ни один покуда не постиг,
что будущей любовью — хоть на миг —
почти что каждый будет коронован.

Сжимается пространство
до размеров
твоих объятий...
Тысячи веков
толпятся
в тесном круге циферблата...
И на моем спокойствии
заплата
чужих обид,
раскаяний,
грехов.

Разучилась писать...

Но уже не писать не сумею.

Разучилась любить...

Но уже не могу не любить.

Я молюсь за тебя:

ты сильнее меня и мудрее.

Что же ты замолчал?

Научи меня правильно жить.

Разучилась хотеть...

От желаний моих оболочка,

Словно шарик на ниточке —

больше не рвется в полет.

Что же маюсь я так?

Ведь всего-то не ладится строчка.

Вот уж сущий пустяк,

а — поди ж ты! — дышать не дает!

Ни кола, ни двора,

никакого другого приюта

Не могу разглядеть,

не могу отыскать в темноте.

Разучилась терпеть...

Как гора подымается круто!

Разучилась летать...

Да и крылья теперь уж не те.

С перебитым крылом

мне уже не подняться высоко.

Онемевшим крылом

мне строку не поймать на лету.

Но проснутся слова,

как трава прорастает до срока.

Я к листу прикоснусь —

и уменье свое обрету!